

ВЫ ЖЕРТВОЮ ПАЛИ В БОРЬБЕ РОКОВОЙ

«Моя семья — весь рабочий класс!»
◆ *«...И звон клинков и лица лихих командиров»*

**«МОЯ СЕМЬЯ —
ВСЬ РАБОЧИЙ КЛАСС!»**

**(В. П. Обнорский,
1852—1919 гг.)**

Со школьных лет запомнили мы имена организаторов «Северного союза русских рабочих» Степана Халтурина и Виктора Обнорского.

О Степане Халтурине известно много, его жизнь хорошо исследована. На родине Халтурина в 1923 году его именем был назван город Орлов, где он учился, а в Вятке (ныне город Киров) — Александровский сад, бывшая Пятницкая улица, судоремонтные мастерские, а также большой колхоз, в который входит деревня Журавли, где Халтурин родился.

Жизнь другого организатора «Северного союза русских рабочих» Виктора Павловича Обнорского была изучена меньше. В Новокузнецке есть улица имени Обнорского. В

сквере стоит памятник этому выдающемуся рабочему-революционеру, который последние десять лет жизни провел в Кузнецке.

К 1950 году об этом периоде его жизни, похоже, не было известно ничего. В Малой Советской Энциклопедии (т. V) краткая справка об Обнорском заканчивается словами: «Год смерти неизвестен». В Большой Советской Энциклопедии (т. XII) в довольно подробной справке о жизни и деятельности Обнорского сибирский период его жизни также не освещен. Сказано, что после каторги, выйдя на поселение, Обнорский жил в Читинском округе и других местах Сибири. О последнем же десятилетии жизни Обнорского и его смерти в Сибири не упоминалось вовсе.

Даже год рождения Обнорского в БСЭ и МСЭ указан был неоднозначно: в БСЭ — 1852, в МСЭ — 1854. Год смерти в БСЭ — 1920, хотя на самом деле В. П. Обнорский скончался в 1919 году.

В 1950 году в биографию Обнорского было внесено уточнение. В журнале «Сибирские огни» (№ 5 за 1950 год) была опубликована статья Антона Ивановича Полосухина, человека, который лично знал Обнорского и в какой-то мере получил дружбу с ним в наследство от своего отца. И с этого времени стали приоткрываться постепенно кузнецкие годы В. П. Обнорского.

В краеведческом музее в 70-х годах можно было увидеть «уголок Обнорского». Вот его портрет — крупная голова, окладистая борода. Свидетельство о смерти — умер в Томске в 1919 году. Вот макет домика, где он жил в Кузнецке. В экспозиции музея — верстак, часы. Оказывается, Виктор Павлович искусно нарезал ружья. По рассказам старожилов Новокузнецка, «мастер — золотые руки» разбирался также в часовых механизмах и вот «вылечил» в свое время и эти часы тоже.

...Вспоминаем революционную деятельность Обнорского, его важную роль в становлении рабочего движения в

конце прошлого века, и — ружье, часы, верстак как-то не укладываются в его жизненную стезю.

Вспоминаем сокрушительные воззвания из программы «Северного союза русских рабочих»: «Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства как строя крайне несправедливого... Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям...»

Так неужели революционер в Обнорском молчал почти сорок лет — с 1879 по 1919 год? Нет, не хочется верить, что десять последних лет, прожитых в Кузнецке, прошли всего лишь в ремонте замков и нарезке ружей.

В Новокузнецком музее получены адреса старожилов города. У старейшего работника музея Константина Александровича Воронина, о котором мы еще не раз вспомним, нашлись несколько фотографий домика, где Обнорский снимал квартиру. На верхнем этаже Обнорский, а на нижнем — фельдшер Борисенко. Очень хороший фельдшер. К нему чаще обращались, чем к врачам. Да, Воронин хорошо его знал. А еще в их компании был врач Баев...

Слушаю внимательно, но пока эти фамилии для меня безлики. А Константин Александрович рассказывает, что слышал от жены Борисенко, будто Обнорский вовсе не был нелюдимым и замкнутым человеком, каким многие его считали. Они часто беседовали. И, оказывается, он был шутник! Да, людей у него бывало немного — боялись: ведь он под надзором полиции был. А крепость — вот она, рядом. И действовала!

Воронин показывает уникальную фотографию 1915 года — крестный ход заключенных с какой-то чудотворной иконой.

Антон Иванович Полосухин, автор первой публикации о последних годах жизни Обнорского, живо, увлекательно рассказывает о былой поре, когда в тихом Кузнецке появилась загадочная фигура Виктора Павловича Обнорского.

Но сперва — вспомним 70-е годы, Петербург. По описанию известного писателя-народника Н. С. Русанова, «тогдашний Питер... был отображением в миниатюре всей тогдашней России с ее бок о бок существовавшими, но совершенно отъединенными богатством высших классов и бедностью народа, роскошью счастливых мира сего и нищетой пасынков судьбы, лоском над поверхностью и грязью внутри».

И на фоне этого Петербурга — фигуры Петра Алексева, Желябова, Халтурина, Обнорского...

Из родной Вологды слесарь Обнорский приехал в Петербург семнадцати лет. Первое место работы — патронный завод, потом — другие крупные заводы. В 1872 году — рабочие кружки столицы. Он — во главе нелегальной библиотеки. Рабочие называют его «ученым по призванию» (Обнорский был первым рабочим, который стал руководителем такой библиотеки). Он участвует в организации так называемых «касс самопомощи». Это они помогают семьям арестованных и самим арестованным рабочим. На деньги, собранные в этих кассах, покупается литература для нелегальных библиотек. Эти же кассы поддерживают оставшихся без работы. Библиотеки, кассы, кружки — первые шаги к рабочей организации. Обнорский стал приметен, его разыскивает полиция. Он уезжает в Одессу. Здесь назревает создание «Южнороссийского союза рабочих».

В конце 1875 года Обнорский едет за границу. Мелькают Лондон, Париж, Женева. Он встречается с русскими революционерами и социал-демократами Женевы. Работает на механическом заводе, знакомится с местными рабочими, изучает французский язык, изучает программы рабочих партий других стран, документы Первого Интернационала. Обнорский — в гуще революционной мысли русской политической эмиграции, центр которой в те поры — в Женеве.

По свидетельству одного из первых русских марксистов Л. Г. Дейча, до встречи с ним «Обнорский успел побы-

вать в Берлине, Париже, Лондоне, где непосредственно знакомился с тамошним рабочим движением...»

Каким же был до своего ареста этот удивительный «ученый по призванию», слесарь по профессии, страстный революционер по убеждению, каким видели современники Виктора Павловича Обнорского?

Вот снова свидетельство Дейча: «На вид ему можно было дать 25—26 лет. Белокурый, с небольшой растительностью на лице, он по внешности ничем не отличался от европейского передового рабочего». Держался Обнорский с большим достоинством, всем интересовался, был вдумчив, наблюдателен. «Некоторые эмигранты... не могли не отдавать ему должного, и по его адресу раздавались с их стороны всякие лестные отзывы: «Вот какие у нас появились пролетарии! Не хуже самых выдающихся здешних».

Обнорского знал Г. В. Плеханов и считал одним из вожakov рабочих Петербурга. К моменту появления Халтурина в Петербурге Обнорский уже был опытным революционером. Он был чрезвычайно осторожен, строго соблюдал правила конспирации. Многие революционеры о нем слыхали, но мало кто знал его лично. С Халтуриним они встретились в 1876 году. Какая это была славная плеяда, те, кто создал «Северный союз русских рабочих» и вошли в него...

Обнорский был арестован 6 февраля 1879 года. Только что, в августе 1878 года, он как официальный представитель созданной в России рабочей организации посетил Женеву. Только что он вновь побывал в Париже и Лондоне, где с помощью русских политических эмигрантов купил и тайно переправил на родину типографский станок и шрифт. Только что, на обратном пути в Россию, он встретился в Варшаве с деятелями польского рабочего движения. И вот — Москва. При выезде в Петербург он был схвачен.

Начинается иной круг жизни, в итоге которого этот удивительный человек оказывается в Кузнецке.

Листаю публикацию Полосухина «В. П. Обнорский в Кузнецке». За обстоятельными, сдержанными строками лишь едва проглядывает взволнованность автора. Петропавловская крепость. Здесь Обнорский, образованный, полный сил двадцатипятилетний революционер, просидел полтора года. Готовился к суду. Чуть более полвека тому назад здесь ожидали своей участи декабристы. Такова связь времен. Суд состоялся 11 июня 1880 года. Каков он был? Прошлое пыталось сломить Будущее.

Вот как описывает суд А. И. Полосухин: «Во время следствия Обнорский держался с большим достоинством... Многие из предъявленных обвинений отрицал, рассчитывая, что его дело будет решено в административном порядке. Прямых улик против него не было».

Но неожиданно дело передано в военно-окружной суд. Обнорского прямо обвиняют в том, что он «вступил в противозаконное общество, образовавшееся в 1872 году с целью ниспровержения правительства и установленного законом государственного устройства в Российской империи в более или менее отдаленном будущем, и был в оном одним из главных руководителей, привлекая в это общество путем пропаганды других лиц рабочего сословия...»

За строками слышится монотонный голос чиновника. Каждым словом он обрушивает годы каторги на молодого революционера, который силится не обнаружить волнения. Обнорского обвиняют в желании ниспровергнуть «святая святых» — многоярусную монархическую машину, только-только отказавшуюся от крепостного права. Как остервенело должны были обвинять судьи и как убежденно держать себя обвиняемый!

На суде стоят друг перед другом две России. Представители узенького круга правящей, чиновной, царской России и просвещенный, образованный, убежденный пролетарий Обнорский. Один из тех, рожденных еще при крепостном праве, у кого в сознании кровавыми рубцами запечатлены потомственно унаследованные обиды. Отсюда не-

обыкновенная выдержка его и достоинство на неправедном суде. Отсюда, от этой сословной, социальной пропасти — суровый приговор самодержавного суда. Прямых улик нет, но Обнорский получает десять лет каторжных работ.

...И дальше разворачивается драма. Обнорского надо упрятать надолго и повернее. Его ссылают в Сибирь, на Кару, печально славящуюся своим произволом.

Как он провел эти годы — нам неизвестно. Он отбывал каторгу.

А в это время:

— в России возникают марксистские организации;

— в 1893 году из Самары в Петербург приезжает Ленин;

— газета-боец «Искра» спланирует и ведет рабочих России по ленинскому пути к освобождению.

Обнорский случайно, урывками, узнает о кипучей жизни вздыбленной в борьбе России. Где-то в Сибири в 1885 году его встретил Дейч — тот, что знал его в пору расцвета революционной деятельности.

1905 год. Кровавое воскресенье 9 января. Поражение в русско-японской войне, которое потерпел не народ, а российское самодержавие. Чаша терпения народного переполнилась, в стране началась революция.

...А Обнорский слесарничал где-то в Читинском округе, в нынешней Амурской области. По слухам, занимался он и золотоискательством.

Забыл ли он, рабочий-революционер, классовые обиды и закрыл ли свой пролетарский счет, предъявленный самодержавию четверть века назад? О его жизни в Сибири до появления в Кузнецке почти ничего не известно, и, может быть, этот период еще сулит немало находок...

Но вот в 1909 году в город Кузнецк тогдашней Томской губернии прибыл поселенец Виктор Павлович Обнорский. Ему было уже далеко за пятьдесят. Здесь он пробыл десять лет. Надежно укрывшись от первого своего биогра-

фа В. Левицкого, который в 1929 году в книге «В. П. Обнорский — организатор «Северного Союза русских рабочих» сообщал всего лишь скудные сведения: «Последующая жизнь после каторги В. П. Обнорского, как и время и причины его смерти, покрыты мраком неизвестности... Где-нибудь на приисках, разочаровавшись в своих попытках, закончил свой жизненный путь Виктор Павлович Обнорский, столь блестяще его начавший: ни время, ни место его смерти, ни его заброшенная могила нам не известны» (стр. 145).

Они станут известными лишь спустя двадцать лет...

Тогда же, когда Обнорский прибыл в Кузнецк, там шла обычная для любого уездного городка той поры внешне сонная и неспешная жизнь. Было в Кузнецке немногим более трех тысяч жителей, высились над домами обывателей собор и старая крепость-тюрьма. По реке ходил пароход «Томь».

Почему Обнорский выбрал для поселения именно Кузнецк? Может, потому, что годом раньше сюда приехал его приятель, бухгалтер Н. Н. Станкеев, который служил раньше в Верхне-Амурской золотопромышленной компании в городе Зея-Пристань, где Обнорский работал механиком в слесарных мастерских. Племянник Станкеева — Василий Степанович Станкеев — сблизился с Обнорским и потом рассказывал Полосухину, что ссыльному поселенцу надлежало чуть не ежедневно являться на регистрацию в местную полицию. И только ходатайство «почетных горожан» помогло ему сократить эти «визиты» до двух раз в месяц.

Где жил Обнорский? Сперва на Базарной улице в доме Красулина (этого дома давно уж нет — он снесен). Здесь он открыл слесарную мастерскую. Работал один, без помощников. А время шло... Вспыхнула война 1914 года. В Кузнецке же почти ничего не менялось. Вот только умер Станкеев-старший, и Обнорский переехал в дом покойного друга в Базарном переулке № 14. И этого дома мы также

не найдем в комплексе старого Кузнецка. В 1950 году Иван Антонович Полосухин писал в своем очерке: «Дом цел, лишь перенесен со своего первоначального расположения в другое место, поблизости». Но вредны для бесценных памятников «переезды»: мы видим на обороте фотографии этого дома полосухинскую пометку — «Снесен!».

Как относились к Обнорскому кузнечане? Он стал весьма уважаемым человеком. Его мастерство ценили особо. Бывший организатор «Северного союза русских рабочих» искусно ремонтировал самовары и швейные машинки. Местная полиция могла быть довольна. Если об Обнорском и шли слухи, то только самые безобидные. Рассказывали, как он поверг в изумление некую старушку, взяв с нее три копейки за ремонт чайника вместо принятых тридцати-сорока копеек. Более всего поразили всех его слова: «Я взял за работу столько, сколько она стоит, а «на чай» — не беру». Такой чудак!

А из деревни Муратовой, наслышанной о чудо-мастере, который и гармони чинит, и вывески пишет, пожаловал к нему мужичок, принес кожу на сапоги. И Обнорский ему эти сапоги сшил. Хоть и очень смеялся.

Таким, идилически безобидным, — на первый взгляд! — представлялось пребывание Обнорского в Кузнецке. Да, местная полиция могла быть довольна.

Как выглядел Обнорский в ту пору? «Среднего роста, коренастый старик с окладистой белой бородой, в черной шляпе, каких в Кузнецке никто не носил. Проницательный прямой взгляд больших серо-голубых глаз внушал доверие и симпатию. Улыбался и смеялся редко. Обладал большой физической силой, но чувствовалась в нем и большая духовная сила», — таким описывают его современники-кузнечане.

Любил ли он людей? Об этом рассказывает письмо А. И. Полосухина, присланное автору вместе с уникальными фотографиями: «Это дом по ул. В. Полосухина

(бывшей «Зеленой улице»), в котором проживало наше семейство. В этом доме часто бывал с 1909 по 1911 год Обнорский, который был очень дружен с моим отцом Иваном Константиновичем. Прилагаю фотографии. Вот отец — приисковый рабочий, который дослужился до маркшейдера. Вот Мария Семеновна — родительница нашей «династии», крестьянская дочь из деревни Куртуково Кузнецкого уезда Томской губернии. Когда умер отец, она осталась с восемью детьми и без всяких средств. Работала прачкой и кухаркой. Тогда-то Виктор Павлович и поддерживал наше семейство, как только мог. Он же помог нам похоронить отца, которого попы не захотели отпевать, потому что «безбожник». Мать очень переживала — в захолустном Кузнецке не найти работы вдове «безбожника». Обнорский уговорил попа, чтобы отпели отца. Я помню, как он утешал меня, совсем маленького, напуганного косматым попом, который лихо размахивал кадиллом. Когда мне было 10—11 лет, я часто бывал у Обнорского, в его мастерской, любил смотреть, как он работает. Помню, где и как были расположены в его комнате верстак, книги, кухонная посуда. Помню разноцветные, синие и зеленые, стекла в окнах. Он посылал меня за покупками. Сдачу — копейку, две — оставлял мне, знал, что отдам матери. Это тоже была помощь нашему семейству. Никогда не забуду этого обаятельного, доброго человека и горжусь тем, что мне довелось в 1950 году внести точность в биографию патриарха рабочего революционного движения России и рассказать о десятилетнем кузнецком периоде его жизни, приведя устные и письменные воспоминания многих старожилов Кузнецка, сверстников Обнорского и моих сверстников, которые помнили Обнорского... Это был мой долг и долг всей нашей семьи Полосухиных перед Обнорским, который так нас поддерживал после смерти отца».

...И Обнорский мог тихо и мирно жить в Кузнецке? Мог слесарничать и играть в шахматы с фельдшером Романом Марковичем Борисенко, который жил на нижнем

этаже того же дома, мог смириться и ничего не ждать?

Вспоминает супруга Р. М. Борисенко:

«Однажды Обнорский услышал, как девочка, которая зашла к нам в дом, распевает «Во поле березонька стояла». Он подозвал девочку к себе. Сказал, что знает куда более красивую песню, и научил петь «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Этой же песне научил Обнорский маленького Антона Полосухина, но строго наказал: «Не пой где попало!».

В 1913—1914 годах по настоянию Обнорского Н. Н. Станкеев готовился к организации уездного кооперативного общества кустарей-ремесленников. Так Обнорский и Станкеев решили противостоять местному купечеству. Затея не удалась — грянула война. Да и скончался Н. Н. Станкеев.

В. П. Обнорский выписывал и регулярно читал газеты и очень нервничал, когда газеты запаздывали. Ловил вести от самого костра событий. Задыхался вдали от этого костра, в котором пылало и им зажженное пламя!

Нарезал Обнорский и ружья для шорцев-промышленников. В маленьком краеведческом музее, созданном энтузиастом-учителем Курпековым в Междуреченске при школе № 6, хранится такое ружье. Нарезка его полностью совпадает с возможностями станочка, который попал в новокузнецкий краеведческий музей от Кирилла Афанасьевича Кобелева, часовщика, слесаря, фотографа. Он был в тесной дружбе с Обнорским и станочек получил от него в подарок с таким напутствием: «Обратится с починкой ружья бедный промышленник-шорец — отремонтируйте основательно, просмотрите все мелочи до винтов. Помните: ружьем он кормит семью, и эта семья будет голодать, если по недосмотру или невниманию мастера ружье будет плохо бить».

Пенсионер Кобелев рассказывал, что Виктор Павлович любил беседовать с охотниками — плотно закрывал двери, когда они его навещали. Вероятно, о многом, кроме охо-

ты, беседовал он с шорцами-промысловиками... Идеи интернационализма, неотъемлемые от самой идеи революции, были у Обнорского в крови.

В 1915 году он провожал мобилизованного молодого учителя Василия Степановича Станкеева. Пенсионер В. С. Станкеев вспоминал, что Обнорский, который некоторым образом опекал его как племянника близкого друга, сказал: «Воевать-то надо, только не с немцами, а с царским самодержавием. Представьте, что получилось бы, если миллионы солдат обратили бы штыки против царя — какая бы это была огромная, небывалая победа рабочего класса! Идите, возьмите винтовки и вернитесь к рабочим. Час расплаты с царизмом близок».

Так может этот замкнутый человек, который одиноко жил в самой скромной обстановке, сам готовил себе пищу, ходил на прогулки к крепости и любил смотреть, как играют дети, — может, вел он куда более сложную жизнь и поддерживал связи куда более обширные и неожиданные, чем считала кузнецкая полиция?

На политические темы, действительно, открыто он ни с кем не беседовал. Как-то вдруг рассказал о заключении в Петропавловской крепости — не о том, за что туда попал, а как приручил мышь, которая приходила по ночам и брала у него из рук хлеб. О самом же заветном говорил лишь с очень узким кругом доверенных людей (Н. Н. Станкеев, И. С. Коковин, Р. М. Борисенко), причем бывал конспираторски осторожен: прочно помнилась пройденная в молодости школа конспирации. Ведь и в Петербурге мало кто знал его в лицо, хотя Обнорский и был одним из вожаков петербургского рабочего движения. Да и в Кузнецке также Обнорский наотрез отказывался фотографироваться с друзьями.

Дожил-таки до победы над самодержавием революционер Обнорский. Пал царизм. В Кузнецке — ликование. Обнорский забросил свой слесарный инструмент, снял привычную рубаху-толстовку, надел пиджак, окунулся в

закипевшую общественную жизнь города. Как бы вновь стал самим собой. Может, вспомнил Петербург, Париж, Лондон, Женеву, славную плеяду товарищей по борьбе.

Часто бывал Виктор Павлович Обнорский на общих собраниях горожан в Народном доме и выступал с пламенными речами. Призывал именно к установлению власти пролетариата, что было чрезвычайно созвучно только что выдвинутому в Петрограде ленинскому лозунгу: «Никакой поддержки Временному правительству!».

Так ли уж запаздывали вести из Петрограда в Кузнецк, и так ли уж оторвался за последние восемь лет Обнорский от петроградского очага событий? Можно ли было так внезапно переключиться с ремонта чайников и с мирных прогулок на бурную общественную деятельность? И если Обнорский был известен своим согражданам только как чудо-мастер, мог ли он так скоро завоевать их доверие, чтобы именно его чаще других выбирали председателем общих собраний в Народном доме?

Более того, как «политического» и активного общественника В. П. Обнорского избирают в местную выборную городскую управу, одно время он был членом управления и казначеем, потом по болезни вынужден был отказаться.

Помнил ли убеленный сединами, почти семидесятилетний старец первые раскаты революции, за торжество которой заплатил он и своей жизнью? Не только помнил — не забывал никогда. И теперь уже не только отдельные воспоминания старожилов тому свидетельство.

Вернувшийся в Кузнецк молодой Станкеев дивился: «С Обнорским сделалось что-то невероятное. Этот старый, некогда закаленный в борьбе революционер, который так много выстрадал и так стойко переносил все жизненные невзгоды, узнав, что рабочий класс взял власть в свои руки, плакал от радости. Хмурость его исчезла. Он постоянно бывал на митингах и собраниях, часто председательствовал и выступал с речами. Во время первого Совдепа он был неутомимым. Тяжело больной, он весь отдавался об-

щественным делам города и любил повторять: «И мы не праздны в мире жили!».

Он имел право так говорить. Десять лет, проведенные в Кузнецке, десять лет видимого молчания тоже не прошли бесследно...

Листаю страницы воспоминаний, слушаю рассказ А. И. Полосухина и словно вижу большую вольную птицу, которая вновь взвилась ввысь после долгих лет плена...

Но наступила мрачная пора колчаковщины. К. А. Кобелев вспоминает: «Виктор Павлович сразу осунулся, словно что-то в нем оборвалось. Он твердил: «Много крови прольется».

Обнорский был тяжело болен, и фельдшер Роман Маркович Борисенко, который лечил Виктора Павловича, давно и тщетно склонял его к операции. Тянуть дальше было нельзя. В январе 1919 года на частной подводе друзья отправили его в Томск, в больницу.

Сто пятьдесят верст зимнего пути до станции Кольчугино. На железной дороге хозяйничают колчаковцы. Томск. Городская больница Приказа общественного призрения по Московскому тракту № 2 (ныне хирургическое отделение первой детской больницы).

Одиноким стариком, в котором — по тому времени, к счастью — никто не подозревал одного из основателей первого революционного союза российских рабочих, пишет в Кузнецк редкие письма:

«8 апреля 1919 года. О себе скажу, что улучшения никакого, слабость невероятная. Могу пройти немного, придерживаясь за стенку да мебель. Лежу и думаю, как же я буду тянуть дальше и где? Жить в Томске далее невозможно».

И за три дня до смерти:

«Положение мое не так удачно. Живите хорошо!»

В томской газете появилось скупое сообщение о кончине В. П. Обнорского. Некто неизвестный в опасную колча-

ковскую пору попытался почтить память патриарха русского рабочего движения...

В 1941 году 29 марта Томский ЗАГС на запрос А. И. Полосухина выдал такое удостоверение: «Сообщаем, что по книге больничной Николаевской церкви за 1919 год под № 52 части третьей значится запись о смерти гражданина Забайкальской области Виктора Павловича Обнорского, 66 лет, умершего 16 апреля, а погребенного 24 апреля 1919 года на Преображенском кладбище города Томска». Добавим — в братской могиле, которую не сыскать, потому что кладбища этого уже нет.

Но что же оставил за собою Виктор Павлович Обнорский в Кузнецке? Неужели только воспоминания о чудо-мастере и об уважаемом старце, который выступал в Народном доме в дни всенародного ликования 1917 года?

И оставался ли Обнорский по-прежнему носителем революционной мысли, по видимости мирно слесарничая в уездном дремотном Кузнецке? Время постоянно вносит коррективы и дополнения к сведениям о призабытых страницах истории нашего края...

В 1977 году, по следам публикации А. И. Полосухина, появились новые материалы о кузнецких годах Обнорского. А в 1980 году в газете «Комсомолец Кузбасса» была напечатана статья «Люди с горячим сердцем». Ее автор, преподаватель Кемеровского медицинского института Н. Я. Козубовский, пишет о людях, тесно связанных с В. П. Обнорским в кузнецкий период его жизни, о тех, кто проходил в орбите Обнорского школу политического становления, революционной закалки.

«Заговорили» имена друзей Обнорского, людей наиболее близкого к нему круга. А входили в этот круг политические ссыльные А. И. Васильев, И. С. Коковин, бывший инженер Путиловского завода Р. Лукин, слесарь К. А. Кобелев. Неизменно своим был среди них и Роман Маркович Борисенко, молодой местный фельдшер, у которого снимал квартиру В. П. Обнорский.

Старый революционер и молодой медик подружились. Дружба эта была прочной и искренней. Роман Борисенко лечил недуги Обнорского, а долгие вечера они коротали за шахматами, а более всего — за разговорами.

Небольшая колония политических ссыльных в Кузнецке жила обособленно и дружно, редко допуская в свою среду посторонних. Но люди передовых взглядов неизбежно тянулись к ним. Был среди этих людей земский врач Викентий Михайлович Баев — учитель и непосредственный начальник фельдшера Борисенко. И оба они, таким образом, находились в сфере влияния Виктора Павловича Обнорского.

Степень политической зрелости, революционной убежденности и гражданского мужества Баева и Борисенко проявились в борьбе с колчаковцами и потом — в период восстановления и утверждения Советской власти на Кузнецкой земле.

Когда в Кузнецке свирепствовали колчаковцы, Роман Борисенко, ежедневно рискуя жизнью, работал тюремным лекарем. Он передавал арестованным большевикам в тюрьму записки от подпольщиков. Через него осуществлялась связь между заключенными. Он ставил диагнозы о тяжелых заболеваниях и добивался перевода заключенных в городскую больницу. Так ему удалось спасти от расстрела нескольких большевиков и даже организовать их побег. А помогал ему неизменно доктор городской больницы Викентий Михайлович Баев.

К лету 1919 года, когда в Сибири развернулось партизанское движение, фельдшер Борисенко не только самоотверженно лечит раненых партизан, но нередко выполняет и функции связного. А доктор Баев через него переправляет партизанам перевязочный материал и сам не раз выезжает в партизанские отряды. Колчаковцы, узнав о подпольной деятельности Баева, арестовали его и заключили в тюрьму.

Когда в 1920 году в Кузнецке возродилась Советская

власть, В. М. Баев заведует первой городской больницей, создает органы здравоохранения в городе.

В Кузнецке и в окрестных селах знают «красного доктора». Знают о нем и белобандиты, которых еще немало в округе города. В июне 1920 года Викентия Михайловича ложным вызовом пригласили в село. Подчиняясь своему долгу, врач отправился к больному. В пути Баева перехватили бандиты и зверски убили.

После гибели первого советского врача города Кузнецка больницу возглавил Роман Маркович Борисенко. Через несколько лет он уже руководил райздравотделом. Хороший организатор, он много сделал для здравоохранения.

Таковыми были люди, близкие рабочему-революционеру Обнорскому в последние годы его жизни. Не его ли слово, не его ли взгляды и убеждения дали столь щедрые всходы в их сердцах и умах?

Обнорский умер в томской больнице, не дождавшись окончательного торжества своего дела. Короткий предел человеческий поставил точку в конце одной из первых страниц рабочего движения в России, а история пошла листать новые страницы, на которых, тем не менее, оставили огненный след имена тех, первых...

Вернемся вновь на улицу Обнорского. Постоим около памятника. Навечно стоит Обнорский в городе, где был уважаем и любим, где, насильственно оторванный от кипения общественной жизни, от революционной борьбы, никогда не переставал быть причастным к ним по праву. Не замкнутый, одинокий старик, который, живя в Кузнецке, ни от кого даже не ждал писем, а тот, кто мужественно и стойко держался на суде и говорил о себе: «Моя семья — весь рабочий класс». Тот, чей голос, обретая былую звонкость, звучал на митингах в несуществующем ныне Народном доме — «маленьком Смольном» Кузнецка. Один из доблестных сынов рабочего класса. Один из «буревестников» революции!

Мы слышим его голос.